

Д.Г. Целорунго

**ВОСПОМИНАНИЯ Р. СОЛТЫКА, АДЪЮТАНТА
НАЧАЛЬНИКА БЮРО РАЗВЕДКИ
ГЛАВНОГО ШТАБА «ВЕЛИКОЙ АРМИИ»,
О БИТВЕ ПРИ МОСКВЕ-РЕКЕ**

Роман Солтык родился в 1790 г. в Варшаве. Происходил из польской ветви русского дворянского рода Солтыковых (Салтыковых). Польская ветвь зародилась от выехавшего на службу к королю Сигизмунду из Москвы Ивана Никитича Ера, принявшего католицизм. Образование Р. Солтык получил в Парижском политехническом училище, откуда был выпущен прапорщиком в польскую артиллерию. В 1812 г. 22-летний шеф эскадрона Р. Солтык состоял в должности адъютанта дивизионного генерала М. Сокольниковского, начальника бюро разведки Главного штаба «Великой армии». Бюро разведки выполняло функции военно-оперативной разведки «Великой армии». Штат ее сотрудников комплектовался исключительно из польских офицеров.

В октябре 1813 г. Р. Солтык в Лейпцигской битве попал в русский плен, после освобождения оставил службу, вернулся на родину. Участвовал в польском восстании 1830–1831 гг., в 1830 г. получил чин бригадного генерала польской армии. После разгрома восстания эмигрировал во Францию, где и скончался в 1843 г.

Р. Солтык известен как беллетрист и мемуарист. Из его историко-литературных трудов наиболее известны двухтомник, посвященный польскому восстанию 1830–1831 гг., вышедший в 1833 г.¹, а также книга воспоминаний «Наполеон в 1812 году, или изображение похода в Россию», изданная в 1836 г. на французском, а в 1838 г. на немецком языках².

Немецкое издание книги содержит 394 страницы текста, из которых 27 посвящены «Битве при Москве-реке». На русском языке

полторастраничный фрагмент из «Наполеона в 1812 году...» был опубликован в сборниках воспоминаний иностранцев о военном походе в Россию 1812 г.³

В приложении к настоящей статье мы поместили наш перевод с немецкого восьмой главы, посвященной Бородинской битве («Битве при Москве-реке»), как это принято во французской традиции) из книги Р. Солтыка «Наполеон в 1812 г., или изображение похода в Россию». Материал главы интересен тем, что в изложении офицера военно-оперативной разведки приводятся сведения с интересными подробностями, не встречающимися в других источниках, о событиях в ключевых пунктах сражения. Большой интерес вызывает описание боя у высот д. Семеновское, у батареи Раевского, которую, по сведениям автора, русские были вынуждены оставить войскам Богарне без выстрела, но при этом успели увезти с батареи свои артиллерийские орудия. В главе подробно описаны события на Старой Смоленской дороге, а также на других пунктах грандиозного сражения.

Кроме этого, Солтык был свидетелем многого другого, что происходило в окружении Наполеона во время битвы. В частности, он выполнял обязанности личного переводчика при допросе Наполеоном плененного генерала Лихачева. Был свидетелем важных разговоров Наполеона с некоторыми из своих маршалов и генералов.

Выражаем большую благодарность Анатолию Федорову за ценные советы при переводе главы из книги Р. Солтыка на русский язык.

Приложение

Битва при Москве-реке

Солнце постепенно вставало над горизонтом, когда Наполеон отдавал приказы различным корпусам, чтобы привести их в движение. Он распорядился вызвать к себе генерала Сокольниковского и обратился к нему со следующими словами: «Скачите к Понятовскому и скажите ему, что он должен атаковать левый фланг противника; мой план состоит в том, чтобы дивизии на моем правом фланге были расположены друг за другом и наступали последовательными движениями, и, таким образом, Пятый корпус должен первым вступить в сражение»; затем он добавил громким голосом: «Это солнце Аустерлица! Спешите!» Сокольниковский быстро вскочил на коня. Я хотел последовать за ним, но он приказал мне оставаться на месте. Оказавшись рядом с императором,

я мог наблюдать каждое его движение. Вскоре стала слышна с нашего левого фланга сильная пушечная канонада, которая стала распространяться вправо; затем огонь с обеих сторон сначала оживился, а вскоре усилился ужасно.

Я никогда не слышал подобной пальбы: это продолжалось почти десять часов без перерыва, и порою грохот был так страшен, что больше напоминал собой одновременную пальбу военных кораблей, нежели артиллерийский огонь на суше. Этот ужасный гром орудий не оказывал никакого видимого влияния на Наполеона, хотя иногда русские гранаты лопались недалеко от того места, где он находился. Некоторые ядра даже докатывались на излете до его ног, он не обращал на это ни малейшего внимания. Вскоре сел на землю и стал напевать в полголоса мелодию, время от времени он машинально засовывал руки в карман жилетки, чтобы достать оттуда какие-то таблетки. Они были предписаны ему от простуды. Его черты лица выдавали одновременно раздумье и покой – и тогда, когда он адресовывал несколько коротких слов офицерам своей свиты, и когда посылал команды на поле боя. Примерно через час вернулся Сокольниковский и доложил Наполеону, что он нашел Понятовского на марше в направлении к позиции неприятеля по Старой Можайской дороге (Старой Смоленской дороге. – *Д.Ц.*), которая только одна позволяла следовать его артиллерии за ним, так как пространство, которое отделяло его от русских, являло собой многочисленные препятствия и заросло лесом и кустарником.

Когда генерал Сокольниковский вернулся от императора, то сказал мне, что нашел совершаемый Понятовским маршрут нецелесообразным, так как тот сильно отклонился от направления, которое, по его мнению, он должен был соблюдать, чтобы достичь противника; его наступление, вероятно, было слишком медленным и в конечном итоге запоздало.

Он добавил, что князь должен был бы накануне отдать распоряжение саперам подготовить прямые дороги для своей артиллерии. Впрочем, если утверждать, что, с одной стороны, задержка с наступлением и захватом вражеской позиции Понятовским имела отрицательное влияние на успех дня, то, с другой стороны, несомненно и то, что его корпус был слишком слаб для решения этой трудной задачи, а именно с момента прибытия корпуса Тучкова. Если бы Сокольниковский оказался на месте Понятовского, как он себе это представлял, и атаковал неприятельскую позицию, то противник обошел бы его справа.

В этом случае упреки генерала казались мне несправедливыми, и, как я думал, причиной этому была ревность, которая возникла, по-видимому,

между ним и князем. По крайней мере, в Вильне Соколицкий не скрывал в конфиденциальных беседах своей надежды сменить Понятовского на месте командира Пятого корпуса.

Теперь же мы поспешим рассказать о событиях великого дня. Сначала рассмотрим порядок выдвижения на линию огня армии Наполеона. Корпус Понятовского был, как я говорил, на правом фланге; его пехота была развернута в две линии, в каждой по дивизии, прикрываемые по флангам кавалерией; в центре продвигался Даву с Первым корпусом, его дивизии были построены в колонны, две из них в первой линии боевого порядка, третья в резерве; за ними следовал Первый кавалерийский корпус Нансути, рядом с ним шли в таком же порядке, как и Даву, Ней с Третьим корпусом, а за ним Четвертый кавалерийский корпус Латур-Мобура; за кавалерией стоял Восьмой корпус Жюно. Второй кавалерийский корпус Монбрёна строился в боевые порядки слева от маршала Нея и вместе с Четвертым корпусом принца Евгения образовал левое крыло армии. Четвертый корпус был усилен в тот же день двумя дивизиями и был направлен в сторону Бородина; его подкрепил Третий кавалерийский корпус Груши.

Различные полки пехоты, принадлежавшие Первому, Третьему и Четвертому армейским корпусам, были усилены резервным кавалерийским корпусом, за исключением легкой кавалерийской бригады генерала Орнано, которая была расположена изгибом позади нашего левого фланга. Эта бригада прикрывала направление со стороны реки Москвы и наблюдала пространство между левым флангом и этой рекой. Пешая молодая гвардия и вся гвардейская кавалерия стояли перед редутом⁴, который был взят позавчера, а старая пешая гвардия находилась за ним. Таким образом, вся французская армия компактно была сосредоточена перед левым флангом и центром неприятеля.

Боевой порядок русской армии перед сражением был следующим. Правый фланг опирался на Москву-реку и состоял из армейского корпуса Багговута, располагавшегося справа от реки и от Остермана, прежде Багговут был слева от Остермана; за ними развернулись Первый и Второй кавалерийские корпуса. В центре, напротив Бородина и в самом селе, стоял корпус Дохтурова⁵, а за ним Третий кавалерийский корпус; слева от Дохтурова находился корпус Раевского, который растянулся до деревни Семеновское и имел в резерве дивизию кирасир; слева от Раевского стоял корпус Бороздина, а позади него дивизия легкой кавалерии⁶. Бороздин оперся своим правым флангом на деревню Семеновское, а левым на перелесок⁷, который просматривался с нашей стороны. Наконец, на крайнем

левом фланге в лесу на старой дороге, ведущей на Можайск, стоял корпус Тучкова с дивизией казаков⁸, а за ним вооруженное пиками Московское ополчение, которое примкнуло к армии только минувшим днем. Корпуса Тучкова и Бороздина были разделены пространством в 1200–1500 шагов, и этот разрыв был заполнен четырьмя егерскими полками, располагавшимися в перелеске, которые осуществляли связь между двумя корпусами. В различных точках позади передовой стояла в резерве пешая и конная гвардия.

Для дальнейшего усиления позиции Кутузов велел построить несколько земляных укреплений; но времени было слишком мало, чтобы их полностью завершить. Сооружения на правом фланге были только слегка насыпаны, но в центре, над деревней Бородино, стояла сильная батарея из тридцати орудий, а в пространстве между деревней Семеновское и перелеском были три открытых земляных укрепления, на которые опирались русские линии: несмотря на это обстоятельство, здесь было все же слабое звено всей русской позиции. Понятовскому было назначено в пять часов утра⁹ быть на марше, и именно он, как мы видели, должен был начать сражение своим наступлением. Дивизия генерала Красинского, заступившего место раненного под Смоленском генерала Цайончека, составила авангард и атаковала деревню Утицу и окружающую рощу, где Тучков выставил свой авангард. Его наступление поддержала польская батарея, обстреливавшая деревню с доминирующей позиции; эта деревня была взята без особого труда, и мы заставили авангард противника отойти назад и присоединиться к основной массе своего корпуса, где он остановился и оперся своим левым флангом на высокий холм¹⁰, с которого его артиллерия обстреливала окрестности.

Пока все это происходило на нашем правом фланге, маршал Даву атаковал левый шанец (левую Багратионову флешь у д. Семеновское. – *Д.Ц.*), на острие атаки находились дивизии Компана и Дессэ, вражеские позиции были атакованы и захвачены, дивизия Воронцова была от них отброшена. Генерал Воронцов был ранен; но почти в тот же момент получили ранения генералы Дессэ и Компан, под маршалом Даву была убита лошадь, сильно придавившая его.

Адъютант императора Рапп занял место раненого генерала Компана, единственно этот досадный случай привнес все же некоторую нерешительность в маневры обеих дивизий Первого корпуса. Теперь дивизия Комаровского¹¹ (*Д.П. Неверовского. – Д.Ц.*) выдвинулась из второй линии боевого порядка для поддержки Воронцова; они обе совместно атаковали шанец, захваченный французами, и вернули его себе.

В тот момент Ней выдвинулся на линию огня и вместе с двумя дивизиями Даву снова захватил левый шанец, одновременно с центральным шанцем, и готовился к штурму третьего шанца, который прикрывал деревню Семеновское. Приказ на это получила дивизия Разу: во время ее первой атаки она была атакована и отброшена русской дивизией кирасир, однако она атаковала вновь и завладела этим шанцем.

Маршал Ней, руководивший этим боем и лично разрабатывавший все маневры своих войск в эти достопамятные дни, за проявленное при этом мастерство и мужество был отмечен Наполеоном титулом князя Москворецкого.

На нашем левом фланге Евгений велел атаковать село Бородино бригаде Плезонна из дивизии Дельзона. Русский пехотный полк был выбит из села, французская бригада перешла по мосту Колочу, чтоб с азартом идти вперед по большой дороге вплоть до деревни Горки. Однако тут она была отброшена русской пехотой и в беспорядке отступила обратно в Бородино, а дивизия Дельзона лишь с трудом смогла закрепиться в селе, теснимая превосходящими силами противника. Это произошло в половине девятого утра.

В то время как сражение разгорелось на всей нашей линии, читателю, конечно, будет интересно узнать о том, что происходило в это время вокруг Наполеона. В тот момент, когда наши войска спешно выдвигались вперед, чтобы занять боевые порядки, эти войска мы перечислили выше, слева мимо редута, перед которым мы оставили Наполеона, в полковых колоннах проходил корпус Латур-Мобура, сделавший краткую остановку, во время которой генерал приблизился к императору для приветствия. В рядах Четвертого корпуса я заметил польских улан, и вскоре узнал Одиннадцатый полк, которым командовал мой брат по матери Адам Потоцкий. Как я был рад счастьем снова найти его в тот славный для поляков миг! Мы обнялись с бурной радостью, но и с тайным предчувствием опасностей, на встречу с которыми шел его корпус.

Это предчувствие вскоре оправдалось, Одиннадцатый полк потерял в сражении 22 офицера, почти половину своего личного состава убитыми и ранеными, и мой брат получил сильное ранение в голову, от которого он умер через несколько месяцев. Вскоре после этого мы увидели приближавшегося к нам молодого польского артиллерийского лейтенанта по фамилии Ростворовский; он был бледен, его шинель была в пятнах крови, и он с трудом держался в седле. Понятовский послал его к Наполеону, чтобы сообщить о занятии деревни Утицы; по дороге сюда пушечное ядро раздробило храбромu офицеру руку, и он истекал кровью; ему хватило

мужества, чтобы выполнить свое поручение, однако, не успев попасть в подвижной госпиталь для перевязки, он упал без чувств. Хирург по имени Иван ампутировал его руку, мы были рады, что раненый остался жив. Только что упомянутый подвижной полевой госпиталь был за редутом; туда доставляли со всех сторон раненых, что происходило почти на глазах императора. Многие из них при виде императора были настолько воодушевлены, что непроизвольно восклицали: «Да здравствует император!» – как будто его присутствие придавало им новые силы.

Перед Наполеоном проводили также пленных. Группа польских кирасир привезла с собой пушку, которую захватил их полк. Но все эти незначительные события не привлекали внимание великого человека: он лишь выслушивал сообщения, доставляемые ему с поля боя, и занимался только обеспечением успеха в сражении этого дня, от которого зависела его судьба в будущем. Давайте теперь возобновим повествование о событиях в боевых порядках.

Так как генерал Багратион сильно опасался атаки Нея и Даву, он потребовал от Кутузова подкрепления, и тот послал ему дивизию кирасир и бригаду молодой гвардии в пешем строю; в это же время Багратион подтянул к себе с левого фланга дивизию Коновницына из корпуса Тучкова, против которой стоял Понятовский. Это обстоятельство позволило польскому генералу в его наступательном маневре оказать большее давление на силы противника. Пятый корпус продвигался сейчас в том же порядке, как и прежде – стрелки впереди, против русской второй позиции.

Поле боя, на котором должен был действовать Понятовский со своим корпусом, занимал перелесок, неприятель оборонял его на каждом шагу; так как оказалось, что польская артиллерия была вынуждена придвинуться к русским ближе, чтобы достать их своими ядрами, она должна была покинуть свою изначально выгодную позицию и вследствие этого подверглась превосходящему огню вражеской артиллерии, которая поднялась на холм (Утицкий курган. – *Д.Ц.*). Поляки несли чувствительные потери, и уже тиральеры¹² Пятого корпуса захватили холм, который был ключом к позиции, и очистили его от войск Тучкова, в это время Кутузов, который мало-помалу подтягивал войска с правого фланга к находящимся под угрозой пунктам своей позиции, послал дивизию из корпуса Багговута на поддержку левого фланга. Эта дивизия продвинулась на соединение с егерями, которые стояли в перелеске между Даву и Понятовским, став через этот перелесок угрозой для фланга Понятовского. Вследствие этого поляки были вынуждены организовать сопротивление на своем левом фланге, направив свои усилия на эту сторону, и сдать холм.

На лесной вырубке и в лесу разразилась активная перестрелка дивизии Красинского с русскими, которая продолжалась два часа без решительного успеха с обеих сторон; потом бой на этой стороне снова оживился благодаря прибытию дивизии из корпуса Жюно, которая поддержала усилия поляков, закрепившись в просвете леса.

В это же время Багратион был усилен второй дивизией из корпуса Багговута, которая расположилась на краю леса слева от него, в то время как с нашей стороны выстроилась в линию вторая дивизия из Восьмого корпуса и приняла участие в сражении.

Ней поспешно выдвинул ее на равнину между Даву и своим корпусом; но русская кавалерия князя Голицына взяла ее с фланга, а недавно прибывшие дивизии корпуса Багговута атаковали с фронта.

Она вынуждена была отступить, однако, собравшись, вновь атаковала и опять откатилась назад. Конница князя Голицына, используя это отступление, напала на французскую конно-артиллерийскую батарею и завладела ею. Только этот успех был недолог. Третий линейный полк из дивизии Дезира¹³ выдвинулся из лесной вырубке и атаковал врага с тыла, так что тот оставил у захваченных французских орудий только один полк кирасир, который должен был увести их прочь.

В это время отважный майор Сухоржевский с отрядом из Шестого польского уланского полка заставил русских, находящихся на высотах деревни Семеновское, отказаться от своего трофея, обратно забрав у них наши шесть орудий*.

Однако Багратион продвигается вперед, уповая на полученные подкрепления. Остатки дивизии Воронцова и Неверовского атакуют Даву, в то время, как он сам находится во главе гренадерской дивизии принца Мекленбургского. Бригада русской гвардии¹⁴ и восемь полков кирасир¹⁵ атакуют

* Слава этой блестящей атаки целиком принадлежит майору Сухоржевскому. Шестой уланский полк, которым он тогда командовал, шел через редкий лес во главе корпуса Нансути. Наш отважный майор скакал впереди полка, когда внезапно увидел эскадрон вражеских кирасир, занятых пристегиванием к конной упряжи орудий, только что захваченных их полком, в то время как другие эскадроны того же полка были сосредоточены и развернуты для прикрытия захваченных трофеев. Здесь нельзя было терять ни мгновения. Сухоржевский обернулся к своему полку с криком: «Вперед, кто храбр! Кто готов следовать за мной?». Сотня добровольцев с несколькими офицерами, скачущими впереди, а во главе этой горстки храбрецов майор, атакуют русских, отбрасывают их и отбивают захваченные пушки. Сухоржевский вскоре после этого стал полковником, а позднее бригадным генералом. В настоящее время он проживает во Франции.

маршала Нея. Одна дивизия Третьего корпуса, которая имела приказ оборонять Семеновское, не смогла устоять под этим ударом, и деревня снова переходит к русским.

Но Ней, который никогда не терял мужества, возглавляет свои резервы и, поддержанный дивизией Фриана из Первого корпуса, которая до сих пор также находилась в резерве, устремляется на деревню Семеновское и захватывает ее.

В этой атаке участвует и дивизия Фриана, к которой с чрезмерным азартом присоединился генерал Сокольниковский, поддерживая ее натиск на врага. Но дивизия Коновницына из корпуса Тучкова отражает эту атаку и вынуждает Фриана вернуться обратно за овраг, прикрывавший с нашей стороны деревню. Фриан ставит свою дивизию в одну линию с Третьим корпусом Нея, который прочно удерживал захваченные шанцы неприятеля (Багратионовы флеши. – *Д.Ц.*).

Теперь маршалы Даву и Ней делают приготовления к общему наступлению, которому их артиллерия должна оказать мощную поддержку, но в этот момент появляется Багратион во главе своих войск, которые с величайшим напряжением сил в штыки атакуют наши войска. В результате ужасной бойни русский генерал тяжело ранен, командование принимает Коновницын.

Русские в беспорядке отогнанны назад за овраг, они были вынуждены отойти, опять воспользовавшись дефиле (овраг Семеновского ручья. – *Д.Ц.*), по которому они прошли ненадолго вперед; позади него они снова заняли оборонительный рубеж и стали непоколебимо.

Неаполитанский король, который лично руководил движениями кавалерии, отличаясь своей постоянной безрассудностью и бравадой, приказывает корпусам Нансути и Латур-Мобура преодолеть овраг. Наша кавалерия после нескольких блестящих атак все же была отброшена назад. Тем временем действия дивизии Фриана и еще одной дивизии из корпуса маршала Нея, а также смелые кавалерийские атаки породили во вражеских рядах расстройство. Нашей пехоте через короткое время удалось закрепиться в деревне Семеновское. Это было очень важно, потому что французская артиллерия получила возможность расположиться на высотах, и оттуда сверху обстреливать российские массы войск, которые оставались неподвижными под градом картечи¹⁶. Здесь враг нес наиболее значительные потери.

В то время как кровавая битва бушует у Семеновской, на нашем левом фланге принц Евгений Богарне тоже переходит в наступление. Брюссье и Итальянская гвардия слева от Бородина перешли Колочу по

быстро наведенным через нее мостам; дивизия Морана первой прорвалась на плоскую возвышенность, на которой располагалась большая батарея, Тридцатый линейный полк прочно захватил на ее вершине редут (батарею Раевского. – *Д.Ц.*) и закрепился в нем, но не смог устоять против атаки превосходящих сил, состоявших из дивизии Паскевича и гвардейской бригады¹⁷.

В то же время дивизия Морана была атакована дивизией Васильчикова и обстреляна артиллерией корпуса Дохтурова; Моран был тяжело ранен, и его дивизия была вынуждена отступить.

В перипетиях этой продолжительной борьбы Наполеон часто посылал на передовую генералов, которые обладали способностью правильно оценить боевую обстановку на линии соприкосновения войск. С этой целью он также послал среди прочих генералов и Сокольниковского; тот вскочил на коня и приказал мне следовать за ним. Мы поскакали через лес, тянувшийся за нашим правым флангом, в котором то и дело разрывались артиллерийские гранаты.

Было трудно преодолеть путь невредимым – несмотря на сумасшедшую скачку, осколок гранаты разможил заднюю ногу лошади генерала. Я быстро отдал ему свою и поспешил сменить ее на одну из моих заводных лошадей, стоявших за Шевардинским редутом; но прежде чем я смог вернуться сюда верхом, генерал был уже далеко, и я не смог его снова догнать, даже мчась галопом. Я поскакал к корпусу Понятовского в надежде найти генерала там, и благодаря этому обстоятельству я могу в качестве очевидца поведать, что происходило около 11 часов на нашем правом фланге.

Я нашел польскую пехоту, разбросанную в лесу и в кустарниках, покрывавших эту местность, где в беспорядке перемешались вражеские стрелки с нашими стрелками. Я абсолютно не представлял себе, какое направление мне следует выбрать в этой сумятице, где зачастую российские солдаты были позади меня, а польские передо мной.

Здесь я был свидетелем присутствия духа польского подполковника Блюма. Увидев, что наши стрелки топчутся на месте и что их плотный ружейный огонь уже долго не приносит успеха, этот офицер собрал около пятидесяти человек из своего полка, схватил барабанщика за шиворот и приказал ему следовать за ним и бить атаку. Затем он и несколько офицеров, присоединившиеся к нему, начали со страшной силой кричать «Ура», его храбрые солдаты поступили так же, так что неприятель был вынужден поверить, что в данном месте нами сконцентрированы крупные силы.

Тут он с большой решимостью переместился в голову своей маленькой колонны, которая бросилась в штыки, сметая все, что только оказывало сопротивление. Густота леса препятствовала неприятелю распознать слабость его врага; он счел себя атакованным массой свежих войск и отступил по всей линии соприкосновения. Так как я не мог найти в расположении Пятого корпуса генерала Сокольниковского, то повернул влево, где я встретил рассыпанных в лесу стрелков из вестфальской дивизии. Они здесь были заняты затяжной перестрелкой с русской пехотой, огонь в этом месте был настолько плотным, что моя лошадь была поражена пулей в голову, и в этот же момент эфес и ножны моей сабли были раздроблены. К счастью, рана у лошади оказалась несущественной, и я смог продолжить свой путь в корпус маршала Даву. Я обнаружил его в гуще вражеского огня управлявшим маневрами своего войска. Я сказал ему, что спешу к Наполеону и попросил его дать оценку оперативной обстановки, а также спросил об отданных им приказах. Он ответил: «Когда доберетесь до императора, вы скажите ему, что здесь творится, ровно то, что вы увидели, учитывая небольшой беспорядок у нас, но на данный момент все идет хорошо».

Поскольку я потерял надежду отыскать генерала Сокольниковского на линии соприкосновения с противником, то снова отправился назад к Наполеону и доложил ему обо всем, что видел, точно передав ему слова Даву.

Здесь я снова увидел Сокольниковского. После того как я сообщил ему, что случилось со мной, он рассказал мне о событиях, которым стал свидетелем. Сокольниковский совершил поездку в корпус маршала Даву, а оттуда отправился к Нею, обнаружив Третий корпус сумбурно отступавшим, в неразберихе перемешавшимся с атаковавшими его русскими.

Сокольниковский быстро вернулся к Наполеону, и в ответ на точный доклад о положении дел получил от императора приказ для дивизии Фриана, еще не побывавшей в сражении¹⁸, атаковать противника. Сокольниковский тотчас поспешил в эту дивизию и отправился с ней на помощь маршалу Нею. Этот своевременно выполненный маневр снова изменил положение в сражении в этом месте в нашу пользу.

У нашего храброго польского генерала тем временем несколько пуль пробили мундир, он получил еще пулевое ранение в руку и штыковое в бедро; но его раны были легкие, он не обращал на них внимания и говорил, что он слегка поцарапан. Он позволил себя перевязать и сразу вернулся в строй.

Около полудня настал решающий момент: в центре у нас наметилась победа, но наши фланги отставали и никак не могли сломить сопротивление русских. Было необходимо прорвать центр вражеской армии, чтобы принудить ее к отступлению. Ней просил подкрепления; Даву, несмотря на полученную в начале сражения контузию, не оставил своих обязанностей, лично прибыл к императору, чтобы доложить ему о положении дел.

Некоторое время их можно было видеть прохаживающимися взад и вперед, после чего Наполеон решил выдвинуть две дивизии молодой гвардии на усиление центра и для перелома в сражении, тем более что в этот момент наша победа выглядела несколько сомнительной, потому что Кутузов еще не ввел в бой все свои резервы и войска со своего правого фланга.

Молодая гвардия только собиралась начать движение, как вдруг русский полководец, решив поддержать свой находящийся под угрозой центр, приказал трехтысячной коннице генерала Уварова при поддержке шести тысяч казаков Платова¹⁹ перейти реку Колоочь за Бородином для обхода нашего левого фланга.

У нас не было ничего под рукой, чтобы противостоять этой атаке, кроме одной бригады из дивизии Дельзона, которая стояла за Бородином, и легкой кавалерийской бригады Орнано. Главная дорога и наши коммуникации оказались под угрозой, слышались крики, и некоторые беглецы внесли страх в тыл нашей армии.

Так как Наполеон не знал сил корпуса противника, который обходил нас слева, то он мгновенно остановил движение молодой гвардии и велел бросить дивизию Клапареда, которая всегда шла в ядре этих войск, в поддержку левого фланга. В то же самое время вице-король послал обратно за Колоочь итальянскую гвардию, чтобы подкрепить бригаду из дивизии Дельзона. Все эти распоряжения возымели действие, наступательный маневр противника вскоре был остановлен, а затем его кавалерия вернулось на свою прежнюю позицию.

Но драгоценное время нами было потеряно, а русские получили передышку, чтобы снова собраться с силами. Это происходило в час пополудни. Во время скоротечной атаки вражеской кавалерии нам в спину Понятовский, подстегиваемый нетерпением скорее получить выгоду от участия в бою дивизии Красинского, поскакал к дивизии Князевича, стоявшей в резерве на краю этого же леса, и после отдачи приказов генералу Князевичу обернулся к солдатам и воскликнул: «Вперед мои дети! Ура!». Тут эти храбрецы, жаждая сойтись с русскими в схватке, не выжидая

команд своих офицеров, рассыпали свои колонны, чтобы в лесу было им удобней наступать. Как только плотные массы колонн измельчились, солдаты стали легко выполнять задачу, посредством не забытого рассыпного строя. Однако вражеские стрелки, несмотря на новое подкрепление, которое получили поляки, удержали свою превосходную позицию. После этого генерал Князевич, ветеран Рейнской армии, который доблестно сражался под началом генерала Моро при Гогенлиндене, опираясь на свой старый опыт, посоветовал князю вернуть из леса пехоту назад, чтобы ее собрать снова на отобранной у русских первой позиции. Понятовский последовал этому совету, приказ к отступлению был отдан и спокойно выполнен. Польские батальоны собрались, как только вышли из лесу, затем медленно в колоннах и в полном порядке отошли назад, несмотря на сильный перекрестный огонь артиллерии противника. Пехота противника не рискнула их преследовать.

Это отступление было завершено в час пополудни, и Пятый корпус занял свою позицию у деревни Утицы. После двух часов передышки Понятовский снова перешел в наступление. В то время как его пехота стройными колоннами атаковала российские позиции, Тринадцатый польский гусарский полк, которым командовал полковник Толинский и авангард которого возглавил генерал Себастьяни, обошел левый фланг противника, через деревню Мышкино²⁰, пройдя через хаотичную и сильно заросшую кустарником местность. Генерал Себастьяни приказал всему эскадрону под командованием ротмистра Гавронского спешиться и затеять перестрелку с русскими. Наши спешенные кавалеристы атаковали русских стрелков с неистовством, заставив поверить, что они обратят в бегство и весьма значительную массу кавалерии. Дивизия казаков на левом фланге Тучкова узрела в этой атаке возможный охват их позиций силами противника и в беспорядке стала отступать; три других полка кавалерии Пятого корпуса энергично ее преследовали, и вскоре русская пехота, занимавшая холм, со своими пушками отошла, оставив позицию польской пехоте, которая незамедлительно переместилась туда. После этого русские остановились на главной дороге в одном пушечном выстреле от холма, и на этом борьба здесь прекратилась.

На нашем левом фланге и в центре подготавливались более важные события, где Евгений, Ней и Даву делали приготовления к решающим атакам.

Батарея в более чем сто орудий была установлена генералом Сорбье на плоской вершине возвышенности, которая доминировала с нашей

стороны над Бородином; другие батареи были установлены в различных точках на линии. Со своей стороны, русские снова сосредоточивали свою пехоту и объединяли свои батареи на выигрышных позициях. Кутузов приказал корпусу Остермана передвинуться с правого фланга для замены корпуса Раевского, испытавшего слишком многого. Остерман оперся своим правым флангом на большую батарею и растянул свой левый фланг против деревни Семеновское. В 2 часа дня с обеих сторон артиллерия открыла ужасающий огонь, от Бородина до лесных массивов восемьсот жерл орудий с обеих сторон сеяли смерть среди противостоящих рядов войск. Презируя опасность, наши колонны снова устремились на врага. Авангард Второго кавалерийского корпуса вел в бой Коленкур, брат обер-штальмейстера и адъютанта императора²¹; он заменил генерала Монбрёна, который только что был убит пушечным ядром. Эта кавалерия первой бросилась в атаку на войска генерала Остермана, прорвала их линии, затем совершила дерзкий фланговый маневр влево и обошла большую батарею, так что Пятый кирасирский полк, который был на острие атаки, вторгся в батарею сзади и принялся рубить русских артиллеристов у их орудий.

Тем временем Коленкур был убит пулей; Пятый полк был атакован превосходящими силами противника и был вынужден оставить только что захваченную укрепленную батарею, пушки которой были в беспорядке русскими вывезены²². Вскоре после этого пехота вице-короля в лоб атаковала редут и овладела им без выстрела.

Русская пехота, которая так долго упрямо удерживала свою позицию, потеряла самообладание при виде нашей отваги, всем им было предложено сдаться в плен, и все, кто был в укреплении, были взяты в плен вместе с генерал-лейтенантом Лихачевым, который там был главным. Это было примерно в три часа дня пополудни.

Теперь, наконец, у кавалерийского корпуса Груши были развязаны руки для участия в сражении. Очертя голову он атаковал корпус Дохтурова и принудил его в беспорядке отступить. Но вскоре после этого Груши был сам атакован объединенным корпусом Палена, Корфа и гвардейской кавалерией и отброшен к нашей пехоте. На протяжении всей линии до леса мы повсюду вели наступление, а русские отходили. Все укрепления, прикрывавшие неприятельские линии, были в нашей власти. Кутузов собрал свои силы на расстоянии одного пушечного выстрела далеко за оврагом, который тянулся от деревни Горки до лесного массива, в котором стоял Тучков, и бой ограничился ведением оживленной артиллерийской перестрелки.

Теперь нам остается только рассказать, что произошло за это время в окружении Наполеона. После взятия последней русской укрепленной батареи (батареи Раевского. – Д.Ц.) с нескольких мест передовой были приведены пленные, большинство из которых были ранены; им со всем старанием оказали помощь в императорском полевом госпитале. Среди них находился и полковник Потемкин²³, также получивший несколько ранений; его приказали допросить переводчику императора капитану Вазовичу. Однако Потемкин был мрачен и молчал, не обращал никакого внимания на задаваемые ему вопросы и не интересовался предлагаемой ему помощью, бросая дикие и дерзкие взгляды на окружающих.

Вскоре к Наполеону был приведен генерал Лихачев. Этот генерал был среднего роста, преклонного возраста и слабого телосложения, делал усилия удержаться на ногах, опираясь на своего адъютанта, который был захвачен в плен вместе с ним, он выглядел совершенно оглушенным боем, в гуще которого он попал в плен. Тронутый его состоянием, Наполеон принял его с благожелательностью и распорядился подать ему бокал вина. Как только Лихачев немного расслабился, после выпитого вина, император захотел сам его допросить, но русский покачал головой, показывая, что, он не понимает по-французски. В отсутствие своего постоянного переводчика Наполеон допросил его через меня, осведомившись, к какому корпусу принадлежит его дивизия и где он был взят в плен.

Лихачев ответил, что он из армейского корпуса Дохтурова и был взят в плен у села Бородина. Наполеон, желая оказать ему честь, потребовал от адъютанта вице-короля, который привел сюда Лихачева, шпагу генерала, затем взял ее в руку и сказал, протянув ее Лихачеву: «Вот ваша шпага!». Но русский сухо ответил, качая головой: «Нет, нет» – и не взял ее из рук императора. Темная тень пробежала по лицу Наполеона, он повернулся ко мне и эмоционально бурно воскликнул: «Что он сказал? Что он сказал?» Тогда я обратился к генералу Лихачеву, чтобы он объяснил свое странное поведение. Тот ответил, что это не его шпага, а его адъютанта, что я быстро и перевел императору. В результате лицо Наполеона опять стало дружелюбным, он иронично заулыбался, вернул шпагу французскому адъютанту и дал знак рукой увести русского генерала. Все это было делом одного мгновенья, и только потом я узнал, что у Лихачева было почетное оружие, которое он не захотел поменять на шпагу своего адъютанта. Я должен упомянуть еще один случай, который свидетельствует о том, насколько живы были чувства императора,

но и насколько быстро он умел овладевать ими, и каким тактом он обладал даже в самых незначительнейших проявлениях своей натуры.

Польский генерал Коссаковский, из свиты императора при главной квартире, который оказался у редута рядом с Наполеоном, показал ему российский картечный стакан, наполненный ржавым измельченным железом, про которое говорили, что оно причиняет раны, в высшей степени опасные и неизлечимые. Генерал приблизился к императору с этим доказательством русской нечестности в руках и показал его ему со словами, что против таких врагов могли бы быть допустимыми все средства. Наполеон ответил, в сердцах грубо, по-солдатски выругавшись «О Н...dsf...r!». Затем сразу же добавил: «Но это далеко не улетит».

В четыре часа Наполеон сел на коня и поскакал осмотреть поле боя. У меня осталась только одна лошадь, и та была в очень плохом состоянии. Поэтому генерал Сокольников освободил меня от обязанности его сопровождать, а приказал мне прочесать поле боя и опросить раненых русских для возможного получения от них сведений, которые могли бы представлять ценность для Наполеона.

Я нашел занятую в начале сражения русскими позицию, заваленную кучей трупов, и поискал среди них выживших в чине офицеров или офицеров генерального штаба (в русской армии офицеры Свиты Его Величества по квартирмейстерской части. – Д.Ц.), чтобы получить от них то, что я хотел. Некоторых из них я обнаружил дотащившимися в уцелевшие шалаши русского лагеря, где они искали убежище.

После оказания им всей помощи, которая была в моих силах, я попытался с большой ненавязчивостью их опросить, только не смог выведать у них никаких значимых сведений, все они выглядели настолько озлобленными, что не хотели вымолвить ни слова; некоторые из них впали в глубочайшее отчаяние из-за несчастья своего Отечества. Так что эти гордые русские теперь были доведены до переживания ужасных несчастий, принесенных вражескими войсками в их землю, и тяжким грузом длань Божия легла на них.

По прибытии на линию огня Наполеон не счел нужным использовать свои резервы для получения убедительной победы; он хотел сохранить их на случай последующих вооруженных столкновений и связанных с ними непредвиденных обстоятельств. Так как на поле битвы больше ничего важного не происходило, обе противоборствующие армии с наступлением ночи довольствовались своими занимаемыми позициями.

Вот как закончилась кровавая битва при Москве-реке: русские потеряли в ней 50 000 человек, однако мы взяли очень мало пленных²⁴.

Потери нашей армии не превысили 18 000 убитыми и ранеными²⁵, такая разница в потерях объясняется превосходством в огне нашей артиллерии. Русские генералы Тучков, Коновницын (контужен, но остался в строю. – Д.Ц.) и Кутайсов были убиты; принц Мекленбургский, генералы Горчаков, Воронцов, Сен-При, Кретов, Бахметьев, Ермолов и Багратион были ранены (последний умер от полученных ран); генерал Лихачев был взят нами в плен²⁶. С нашей стороны генералы Монбрён, Коленкур, Плезонн, Ромёф, Бонами (ранен и взят в плен. – Д.Ц.), Марион, Компер, Юар, Лепель погибли; генералы Нансути, Груши, Латур-Мобур, Рапп, Компан, Дессэ, Фриан, Моран и Ля Уссэ получили ранения²⁷.

Несомненно, если бы наш правый фланг был бы сильнее и если бы в самом начале сражения русские не оставили свой первый рубеж, то их левый фланг в первые часы сражения был бы разбит и отброшен к центру. Однако при этом оставалась вероятность, что Кутузов отступит и уклонится от сражения, увидев на рассвете значительные массы войск противника, выдвигавшиеся против его левого фланга, что он мог легко наблюдать со своей позиции на возвышенности. Все же Наполеон прежде всего делал ставку на принуждение Кутузова к сражению, целью которого было уничтожение его армии.

Можно также утверждать, что без прибытия Тучкова на русский левый фланг и без кавалерийской атаки Уварова наша победа была бы более полной. Однако главным результатом сражения, был ужасающий урон, понесенный русскими, и моральные последствия этой потери для их армии, которая отныне уже не была в состоянии предпринять чего-либо значимого во все оставшееся время нашего дальнего похода.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Soltyk R.* La Pologne, précis historique, politique et militaire de sa revolution: En 2 vol. P., 1833.

² *Idem.* Napoléon en 1812: Mémoires historiques et militaires sur la campagne de Russie, par le comte Roman Soltyk, général de brigade d'artillerie polonais, officier supérieur à l'état-major de Napoléon. P., 1836; Napoleon im Jahr 1812, oder historisch-militärische Darstellung des Feldzugs in Russland. Wesel und Leipzig, 1838.

³ *Солтык Р.* После битвы // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 175–177; *Он же.* После битвы // Наполеон в России глазами иностранцев. Кн. 1: Нашествие в Москву. М., 2004. С. 216–218.

⁴ Имеется в виду Шевардинский редут, который был захвачен 5 сентября (24 августа).

⁵ Село Бородино занимал лейб-гвардии Егерский полк, организационно входивший в 3-ю бригаду 5-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Н.И. Лаврова.

⁶ За 7-м пехотным корпусом генерала Раевского располагался 4-й резервный кавалерийский корпус генерала К.К. Сиверса 1-го, две бригады которого состояли из четырех драгунских полков, одна бригада – из одного гусарского и одного уланского полка. Такого воинского объединения как легкая кавалерийская дивизия в русской армии при Бородине не было. 2-я кирасирская дивизия располагалась за 8-м пехотным корпусом генерала М.М. Бороздина 1-го.

⁷ Этот перелесок находился между Псаревским и Утицким лесом.

⁸ Располагавшиеся на Старой Смоленской дороге иррегулярные войска 2-й Западной армии в составе восьми донских казачьих полков, около 3 тыс. сабель, не были объединены в дивизию.

⁹ Пять часов утра – это астрономическое время, измеряемое по солнечным часам, отличается от современного декретного времени Московского региона от 1 ч. 15 мин. до 2 ч. в сторону увеличения, т.е. пять часов утра это между 6 и 7 часами утра современного декретного времени Московского региона.

¹⁰ Имелся в виду Утицкий холм, расположенный на Старой Смоленской дороге восточнее д. Утицы.

¹¹ Комаровский Е.Ф. – генерал-майор, инспектор внутренней стражи, среди русского генералитета в 1812 г. единственный с такой фамилией, в 1812 г. ему было поручено заниматься сбором лошадей и рекрутов в юго-западных губерниях России, в Бородинском сражении участия не принимал. Автор спутал его с генералом Д.П. Неверовским, который с четырьмя пехотными полками своей дивизии в начале сражения у Семеновских флешей поддерживал 2-ю сводно-гренадерскую дивизию М.С. Воронцова.

¹² Здесь тиральеры (от фр. *tirailleur* – стрелок) – пехотинцы, находившиеся в стрелках.

¹³ Под 3-м линейным полком автор, возможно, подразумевал 3-й вюртембергский конно-егерский полк «Херцог Луис». Полковник Дезира командовал не дивизией, а 7-й бригадой 2-й дивизии легкой кавалерии генерала К.П. Пажёля из 2-го корпуса кавалерийского резерва генерала Л.П. Монбрёна.

¹⁴ Эта бригада состояла из лейб-гвардии Измайловского и Литовского полков.

¹⁵ В этой атаке могли участвовать максимум пять кирасирских полков русских войск.

¹⁶ Захватив д. Семеновское, которая в то время располагалась на высшей точке возвышенности за Семеновским оврагом, а затем расположив там сильную батарею, французы получили возможность обстреливать пространство, находящееся между д. Семеновское и батареей Раевского, а также обстреливать русские

войска, сосредоточенные на возвышенности за д. Семеновское, что южнее Семеновского оврага. Это обстоятельство в конечном итоге помогло французам овладеть батареей Раевского.

¹⁷ Русская гвардия в этой атаке не участвовала.

¹⁸ Пехотная дивизия генерала Фриана была у Наполеона на тот момент последним резервом армейской пехоты, далее императору по ходу сражения пришлось в качестве резерва использовать пехоту Молодой гвардии.

¹⁹ Численность казаков Платова, участвовавших в диверсии, автором завышена вдвое.

²⁰ В оригинальном тексте название русской д. Мышкино читается как Muszyna.

²¹ Дивизионный генерал граф О. де Коленкур в начале сражения занимал должность коменданта Главной квартиры.

²² Есть документальное подтверждение факта сюза русскими в это время своей артиллерии с батареей Раевского. Так, четыре артиллериста конной роты №7, входившей в 3-й резервный кавалерийский корпус, который вступил в дело после 12 ч. на пространстве между батареей Раевского и д. Семеновское, были награждены знаками отличия. В их наградных списках записано: «Во все время сражения под сильными картечными выстрелами отлично действовали из своих орудий, хотя и несколько раз неприятель бросался на батарею, но был опрокинут, и удерживали высоту в центре до того время, что сами остались последними, в целости спасли не только свое орудие, но и свезли и два батарейных, у коих подбиты были люди и лошади». См.: Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 296.

²³ Полковник Г.П. Потемкин (из отставных полковников) находился при армии впрямь до высочайшего утверждения, был прикомандирован к Ревельскому пехотному полку. Известно, что он пропал без вести 26 августа при Бородине.

²⁴ По данным сентябрьской ведомости, потери 1-й и 2-й Западных армий при Бородине составляли 38,4 тыс. человек. См., Бородино: Документы, письма, воспоминания. С. 189–201. В отечественной историографии разброс в оценке потерь русской армии при Бородине колеблется от 38,4 до 55 тыс. человек. См.: *Бескровный Л.Г.* Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 396; *Троицкий Н.А.* 1812: Великий год России. М., 1988. С. 176; *Жилин П.А.* Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 162; *Богданович М.И.* История Отечественной войны 1812 г. по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 2. С. 225; *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны 1812 года. СПб., 1834. Ч. 2. С. 252.

²⁵ Оценки потерь «Великой армии» при Бородине во французской историографии XIX в. также имеют большой разброс – от 20 до 40 тыс. человек. См.:

Dennie P.P. Itinéraire de l'empereur Napoléon pendant la campagne de 1812. P., 1842. P. 80. Note 1.; *Пеле Ж.-Ж.* Бородинское сражение (Bataille de la Moskwa) // Бородинское сражение. М.: Изд. Имп. Об-ва Истории и древностей при Моск. ун-те, 1872. С. 90; *Thiers A.* Histoire du Consulat et de l'Empire. P., 1856. Vol. 14. P. 349. Следует отметить, что потери «Великой армии» нижними чинами в сражении носят исключительно оценочный характер и не основываются на архивных документах. По данным, основанным на комплексе документальных источников по уборке «мертвых тел» павших воинов на территории Можайского уезда в 1812–1813 гг., общие потери «Великой армии» убитыми, ранеными и умершими от ран при Бородине составляли около 40 тыс. человек. См.: *Суханов А.А.* Отчеты можайских властей об уборке на Бородинском поле в 1812–1813 гг. мертвых тел павших воинов // Бородинское поле: музей и памятник. М., 2005; *Целорунго Д.Г.* Потери русской и наполеоновской армии в Бородинском сражении 24–26 августа 1812 г. // Там же.

²⁶ Были убиты два генерал-майора А.И. Кутайсов и А.А. Тучков 4-й. Три генерала были смертельно ранены: генерал от инфантерии П.И. Багратион, генерал-лейтенант Н.А. Тучков 1-й, генерал-майор И.П. Росси, который был контужен и в 1814 г. скончался от последствий этой контузии.

Ранения и контузии получили четыре генерал-лейтенанта: П.П. Коновницын (остался в строю), А.И. Остерман-Толстой (остался в строю), А.И. Горчаков 2-й, Н.П. Лебедев.

Ранения и контузии получили 18 генерал-майоров, из которых шесть остались в строю: А.П. Ермолов, П.И. Ивелич 4-й, Я.Е. Вадковский, В.Д. Лаптев (остался в строю), Н.Н. Бахметьев 1-й, А.Н. Бахметьев 3-й, Ф.П. Алексополь, Б.В. Голицын 4-й, И.Д. Цыбульский, С.В. Дятков, Э.Ф. де Сен-При, И.И. Палицын, И.В. Васильчиков 1-й (остался в строю), К. Мекленбург-Шверинский, Д.П. Неверовский (остался в строю), М.С. Воронцов, Н.В. Кретов, К.К. Сиверс 1-й (остался в строю).

Итак, потери составили 27 генералов, из которых пятеро погибли. Взят в плен генерал-майор П.Г. Лихачев. См.: *Васильев А.А. Елисейев А.А.* Русские соединенные армии при Бородине 24–26 августа. М., 1997.

При Бородине русская армия потеряла 211 убитыми и 1184 ранеными и контуженными офицеров. См. *Целорунго Д.Г.* Офицеры русской армии – участники Бородинского сражения: ист.-социол. исследование. М., 2002. С. 194. Для сравнения, «Великая армия» в этом сражении потеряла 480 убитыми и 1448 ранеными и контуженными офицеров. См.: *Земцов В.Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С. 452.

²⁷ Было убито два дивизионных и пять бригадных генералов, один дивизионный генерал и четыре бригадных генерала были смертельно ранены и умерли

позже. Ранения получили: маршал Даву, 15 дивизионных генералов: Рапп, Нансути, Груши, Моран, Фриан, Дессэ, Компан, Бельяр, Брюйер, Сен-Жермен, Дефранс, Ля Уссэ, Латур-Мобур, Сокольниковский, Шелер; 23 бригадных генерала: Тест, Бойе де Ребваль, Дюплен, Дюфур, Жангу, Брюни, Мурье, Альмера, Гийемино, Красинский, Борстель, Кено, Руссель д'Юрбаль, Сюверви, Бесьер, Бюрт, Шуар, Домманже, Бордесуль, Триэр, Тири, Хаммерштейн, Легра.

Таким образом, наполеоновская армия потеряла 51 генерала, из которых 12 погибли. Взят в плен бригадный генерал Ш.О. Бонами См.: Васильев А.А. Попов А.И. Война 1812 г.: Хроника событий: Состав армии при Бородино. М., 2002. С. 38.